

ПАРТИЯ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОИНЫ: СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Отечественная историография социалистических партий в послеоктябрьский период прошла сложный путь, отразив изменения политического режима и общественного сознания. С момента своего возникновения она никогда не была единой, так как включала в себя и работы самих российских социалистов, пытавшихся осмыслить исторический путь своих партий, труды советских историков, выражавших позицию правящего режима, исследования диссидентов, имевших свой взгляд на историю послереволюционной России. После распада Советского Союза начинается новый этап в отечественной историографии, не только вобравший в себя многое из достижений предшественников, но и отличающийся выдвиганием новых, оригинальных подходов.

Важнейшей предпосылкой изучения истории ПСР является наличие доступных для исследователя источников. В советскую эпоху специальных научных изданий документов по послеоктябрьской истории ПСР не было. Единственной крупной публикацией документов партии эсеров оставался сборник, составленный голландским историком М. Янсенем в основном по материалам архива Международного института социальной истории (г. Амстердам)¹. Восполнить этот пробел призвана 3-х томная публикация документального наследия ПСР за 1900 – 1922 гг., осуществленная в рамках большого проекта по изданию документов российских партий Центром политической и экономической истории России Российского независимого института социальных и национальных проблем и издательством «РОССПЭН».

Применительно к интересующему нас периоду наибольшее значение имеет публикация второй части третьего тома сборника «Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы», охватывающего период с октября 1917 по 1925 г.² В сборник вошло около 300 документов, значительная часть которых публикуется впервые, – материалы VIII Совета ПСР 1918 г., протоколы заседаний и иные документы ЦК за 1918 – 1920 гг. Часть материалов, и это вполне оправдано, перепечатано из эсеровских изданий, давно ставших библиографической редкостью. Это отчет о работе IV съезда ПСР, многочисленные документы, публиковавшиеся в органе Заграничной Делегации ПСР – «Революционной России». В целом материалы сборника позволяют воссоздать целостную картину истории ПСР 1917 – 1925 гг.

В то же время необходимо отметить ряд моментов, снижающих значимость этой, безусловно, полезной публикации. Во-первых, вызывает сожаление, что составитель сборника Н. Д. Ерофеев ограничился документами только двух фондов Российского государственного архива социально-политической истории – Ф. 274 (Центральный Комитет партии социалистов-революционеров) и Ф. 76 (Ф. Э. Дзержинский). Это привело к тому, что целый ряд неопубликованных документов ПСР, представляющих значительный интерес, в сборник не попали. Так, публикация документов сентябрьской (1920 г.) конференции ПСР осуществлена по отчетам в «Революционной России» (С. 652–677). В то же время сохранился протокол этой конференции, содержащий как доклады с мест, так и доклад ЦК, резолюции и др.³

В приложении к сборнику опубликованы некоторые документы советского и партийного руководства о дальнейшей борьбе против партии эсеров после судебного процесса 1922 г. Понятно, что данное приложение не может занимать много места, но все-таки сборник только выиграл и от включения материалов комиссии ЦК РКП(б) по руководству процессом эсеров, а также по организации работы среди бывших эсеров и подготовки их съезда в 1923 г.

¹ Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года. Amsterdam, 1989.

² См.: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917 – 1925 г. М., 2000.

³ См.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 138. Л. 16–29.

Этот пробел был частично восполнен выходом в свет документального сборника о процессе ПСР 1922 г. Составителями, которого выступили С. А. Красильников, К. Н. Морозов и И. В. Чубыкин⁴. Он значительно обогащает наши представления о подготовке и проведении суда над эсерами. Подробно прокомментирован целый ряд важных и впервые публикуемых документов из фондов АП РФ и РГАСПИ. В то же время, к сожалению, по ряду причин остается не введенной в научный оборот стенограмма процесса 1922 г. Пока лишь в некоторых современных работах есть ссылки на этот, очень ценный, источник⁵.

Из других документальных публикаций 1990-х гг. наибольший интерес представляет сборник «Россия антибольшевистская», составленный по материалам Государственного архива Российской Федерации и посвященный периоду гражданской войны⁶, а также впервые опубликованный доклад председателя Комуча В. К. Вольского ЦК ПСР в 1919 г. Интерес представляет и сборник «Антибольшевистское правительство», отражающий деятельности Временного областного правительства Урала (Екатеринбург, август – ноябрь 1918 г.), в состав которого входили меньшевики и эсеры⁷.

Небольшая часть листовок ПСР за 1917 – 1918 гг. была представлена в обзоре Г. И. Злоказова⁸. Отдельные эсеровские документы публикуются в региональных изданиях⁹.

Длительное время в советской историографии личностный фактор в истории отечественной многопартийности недооценивался. В 1990-е гг. получило развитие переиздание произведений социалистов-революционеров, опубликованных в свое время в эмиграции. Возвращаются читателям книги В. М. Чернова, М. В. Вишняка, П. А. Сорокина, А. Ф. Керенского и других¹⁰. Параллельно идет процесс создания биографий видных деятелей ПСР, преимущественно в форме очерков¹¹, а также изучения их творчества. Опубликован биографический словарь, посвященный политическим деятелям России в 1917 году, в котором представлены сведения и о 27 социалистах-революционерах¹².

Отдельного внимания заслуживает сборник документов «Дмитрий Дмитриевич Донской», посвященный судьбе известного деятеля ПСР Д. Д. Донского (1881 – 1936)¹³. Впервые опубликованы интересные воспоминания жены Донского –

⁴ См.: Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги: Сб. док. М., 2002.

⁵ См.: Трукан Г. А. Антибольшевистские правительства России. М., 2000.

⁶ См.: Россия антибольшевистская: Из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1995. В сборнике опубликованы отрывки из воспоминаний эсеров В. М. Зензинова, П. Д. Климушкина и отчет члена ЦК ПСР М. И. Веденяпина Центральному Комитету партии социалистов-революционеров 29 апреля 1919 г.

⁷ См.: Антибольшевистское правительство: (Из истории белого движения): Сб. док. Тверь, 1999.

⁸ См.: Большевикские и эсеровские листовки 1917 – 1918 гг. / Публ. Г. И. Злоказова // Отечественная история. 1993. № 1. С. 150–173.

⁹ См.: Черняк Э. И. Политические партии в Сибири (март 1917 – ноябрь 1918 гг.): Съезды, конференции, совещания. Томск, 1993; Из истории земли томской. 1917–1921. Народ и власть: Сб. док. и материалов. Томск, 1997, и др.

Интересную подборку документов о борьбе ВЧК и ЦК РКП(б) с оппозиционными партиями, в том числе ПСР, опубликовал Д. Б. Павлов (См.: Павлов Д. Б. Большевикская диктатура против социалистов и анархистов. 1917–середина 1950-х годов. М., 1999. С. 131–222).

¹⁰ См.: Чернов В. М. Перед бурей. М., 1993; Он же. Конструктивный социализм. М., 1997; Вишняк М. В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. СПб., 1994; Он же. Годы эмиграции 1919–1969. СПб., 2005; Сорокин П. А. Дальняя дорога: Автобиография. М., 1992, и др.

¹¹ См.: Колесниченко Д. А. Виктор Михайлович Чернов // Россия на рубеже веков: Исторические портреты. М., 1991. С. 296–334; В. М. Чернов // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С. 205–227; Малышева С. Ю. Две казни. Судьба М. Л. Коган-Бернштейна // Отечественная история. 1994. № 3. С. 170–179; Она же. «Третий путь» М. Л. Коган-Бернштейна // Историческая наука в меняющемся мире. Вып. 2. Казань, 1994. С. 62–67; Уразов С. П. Инициалы «Д.Д.Д.» // Земля парабельская. Томск, 1996. С. 252–265 (очерк о Д. Д. Донском); Бондаренко А. А., Красильников С. А. Дмитрий Дмитриевич Донской в Нарымской ссылке // Историческая наука на рубеже веков: Мат. конф. Т. 2. Томск, 1999. С. 199–214; Кабытов П. С., Курсков Н. А. Из биографии самаровского крестьянина Прокопия Климушкина // Вторая русская революция: борьба за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах (1917–1918). Самара, 2002. С. 74–78; Кабытов П. С., Курсков Н. А. Из биографии Ивана Брушвита // Там же. С. 184–187.

¹² См. также: Корицкий Э. Б., Бегидов А. М., Шетов В. Х. Марк Вишняк. Нальчик, 1997.

¹³ См.: Политические деятели России 1917: Биографический словарь / Гл. ред. П. В. Волобуев. М., 1993.

См.: Дмитрий Дмитриевич Донской / Сост., авт. введ., лит. обраб., коммент. Яковлев Я. А. Томск, 2000.

Н. М. Донской, письма, другие документы из домашнего архива, фондов АП РФ, архивов Томска. Сборник предваряет содержательная статья Я. А. Яковлева.

В 1996 г. вышла в свет энциклопедия «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века»¹⁴. Здесь также даны биографические очерки о видных деятелях ПСР, довольно подробная статья об истории самой партии (ее авторами выступили Г. С. Аноприева и Н. Д. Ерофеев), а также сведения о партийных газетах и журналах.

Безусловным лидером возрожденного биографического жанра является В. М. Чернов. Первым специальным исследованием о лидере ПСР в отечественной историографии стала книга К. В. Гусева¹⁵. Вместе с тем, содержание монографии в целом воспроизводит уже известные данные и не обозначает каких-либо новых подходов к изучению жизни и деятельности В. М. Чернова. Очень кратко освещена деятельность лидера ПСР в эмиграции; касаясь литературного творчества Чернова после отъезда за границу, в частности, книги «Конструктивный социализм», К. В. Гусев лишь замечает, что она «...действительно представляет интерес»¹⁶.

На этом фоне более интересными и содержательными попытками разобраться в творчестве лидера ПСР выглядят работы Б. К. Ярцева¹⁷, О. В. Коноваловой¹⁸, А. А. Федоренко¹⁹. В них сделана попытка проанализировать многогранное наследие В. М. Чернова, его взгляды на социально-экономическое и политическое развитие России. Отдельного внимания заслуживает сборник, составленный саратовским историком А. П. Новиковым под общей редакцией А. И. Авруса, в котором вводится в научный оборот ряд писем В. М. Чернова, ранее не публиковавшихся; сделана подборка мемуарных свидетельств, составлена библиография трудов Чернова и работ о нем, дан очерк о жизни и деятельности Виктора Михайловича²⁰.

В современной историографии ПСР выделяется несколько крупных исследовательских проблем, связанных с рассмотрением конкретных моментов деятельности правых эсеров, а также с общей оценкой значения и роли ПСР в послеоктябрьской России. В последнем случае эту задачу призваны решить работы обобщающего характера по истории партии эсеров. Таких работ несколько, однако постановка теоретических проблем причин поражения партии эсеров в политической борьбе выражена недостаточно ясно²¹.

Главный вопрос, который в конечном счете стоит перед всеми исследователями, – почему партия социалистов-революционеров, весьма сильная и популярная, обладавшая реалистичной программой, так и не смогла придти и удержаться у власти в общероссийском масштабе? Наиболее часто встречающиеся объяснения сводятся к констатации постоянных расколов в среде ПСР, ошибок и тактических промахов партии в политической борьбе, отсутствия сильного лидера и жесткой организационной структуры, большевистских репрессий после октября 1917 г. Признавая наличие этих (безусловно, важных) факторов, следует все-таки сказать, что они не дают возможности осмыслить в полной мере причины поражения эсеровской альтернативы. Исследований, затрагивающих эту проблему на сер-

¹⁴ См.: Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996.

¹⁵ См.: Гусев К. В. В. М. Чернов. Штрихи к политическому портрету. М., 1999.

¹⁶ Там же. С. 173.

¹⁷ См.: Ярцев Б. К. Чернов, эсеры и большевистский режим: Эволюция неонароднических оценок // Свободная мысль. 1994. № 5. С. 82–98; Он же. Социальная философия В. Чернова // Был ли у России выбор?: Н. И. Бухарин и В. М. Чернов в социально-философских дискуссиях 20-х годов. М., 1996. С. 96–141.

¹⁸ См.: Коновалова О. В. Методологические основы неонародничества в работах В. М. Чернова // Вопросы историографии, истории и археологии. Омск, 1996. С. 24–26; Она же. Преодоление народнических догм: В. М. Чернов о типах капиталистической эволюции // Свободная мысль – XXI. 2001. № 4. С. 58–69.; Она же. В. М. Чернов – теоретик и идеолог эсерства: Автореф. дис... канд. ист. наук. Красноярск, 1999.

¹⁹ См.: Федоренко А. А. Политическая концепция В. М. Чернова. М., 1999.

²⁰ См.: В. М. Чернов: человек и политик. Материалы к биографии / Сост. А. П. Новиков. Саратов, 2004.

²¹ См.: Аноприева Г. С., Ерофеев Н. Д. Эсеры: между утопиями и реальностью // Политические исследования. 1993. № 6. С. 157–165; Ишин В. В. Социалисты-революционеры в России конца XIX – XX века: Учеб. пособие. Астрахань, 1995; Политические партии России в контексте ее истории: Учеб. пособие. Ростов-на-Дону, 1998; Колпакова Л. Н. Социалисты-революционеры // Политическая энциклопедия. М., 1999. Т. 2. С. 449–450, и др.

езном концептуальном уровне, пока немного, хотя о ПСР пишет практически каждый исследователь, касающийся истории российской революции и гражданской войны²².

Интересное объяснение причинам провала эсеровской доктрины и победы большевиков дает, опираясь на теорию модернизации, Н. Д. Ерофеев. Социалисты-революционеры, отмечает он, в конечном счете оказались непригодны для коренного преобразования России, ее модернизации. Эсеровская идеология являлась аграрной утопией, в то время как урбанистическая программа большевиков реально соответствовала решению главной задачи страны – модернизации, суть которой составляла индустриализация. Как пишет А. С. Сенявский, «эсеровская идеология была наиболее адекватна настроениям подавляющей части населения страны и могла привести исповедующие ее политические силы к власти, но была абсолютно неспособна стать основой столь необходимого стране модернизационного рывка...»²³.

Нельзя сбрасывать со счетов и эволюцию ПСР от революционного народничества к западноевропейскому реформистскому социализму, в ходе которой эсеры теряли свою «цельность и революционную энергию»²⁴. Именно в этом кроется одна из причин поражения эсеров.

Точка зрения Н. Д. Ерофеева, близкая взглядам А. Гершенкрона, выглядит на сегодняшний день наиболее обоснованной гипотезой политического крушения ПСР, хотя в современной литературе есть и иные позиции, ставящие под сомнение отказ эсеров принять индустриализацию «как наиболее важный императив» российского будущего. Насколько утопична программа эсеров, если в 1917 г. в их партии доминировало правое крыло? В. Н. Гинев в свое время писал, что «переход с крестьянских позиций на так называемые «общегосударственные» вообще был характерен в 1917 г. для эсеровских вождей, особенно занимавших правительственные посты»²⁵. В этом случае, совершенно справедливо подчеркивает известный немецкий историк М. Хильдермайер, не может быть никакого разговора об утопизме ПСР, и даже фракция В. М. Чернова (занимавшая в партии левоцентристские позиции) примирилась с «мягкой» формой индустриального развития России²⁶.

Н. Д. Ерофеев, К. Н. Морозов и М. Хильдермайер вновь поставили очень важный вопрос об эволюции ПСР в период между 1905 – 1907 гг. и 1917 г., а также между февралем и октябром 1917 г. Фактическое содержание программы ПСР изменилось, отдельные группы в партии под влиянием столыпинской реформы считали необходимым говорить об аграрной реформе, а не о революции, воспринимая деревенское общество как общество мелких и средних собственников. Значительная часть правого крыла ПСР принадлежала к новому поколению членов партии (А. Р. Гоц, В. М. Зензинов, Н. Д. Авксентьев, И. И. Фондаминский и др.), которое приобрело первый политический опыт во время русской революции 1905 – 1907 гг., но получило «решающие впечатления» в эру «конституционализ-

²² См., например, работу Н. А. Коваленко. Один из разделов его монографии громко озаглавлен «В поисках «третьего пути». Место и роль партии социалистов-революционеров в истории российской революции», однако не вносит решительно ничего нового в понимание этой проблемы. *Коваленко Н. А.* 1917 год: новые подходы и взгляды. М., 2001. С. 196–229.

²³ *Сенявский А. С.* Проблемы модернизации России в XX веке: диалектика реформизма и революционности // *Россия в XX веке: Реформы и революции.* М., 2002. Т. 1. С. 58.

²⁴ *Ерофеев Н. Д.* Предисловие. С. 8–9; см. также: *Ерофеев Н. Д.* Уход с политической сцены эсеров // *Политические партии России: история и современность.* М., 2000. С. 363–364. С этим соглашается и О. В. Коновалова: «Предложенная Черновым модель модернизации России, рассчитанная на паритетное развитие индустрии и сельского хозяйства, не отвечала задачам форсированной индустриализации страны...» (См.: *Коновалова О. В.* В. М. Чернов – теоретик и идеолог эсерства: Автореф. дис... канд. ист. наук. Красноярск, 1999. С. 26).

²⁵ *Гинев В. Н.* Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии России в 1917 г. Л., 1977. С. 113. Выступая в 1993 г. на конференции в Санкт-Петербурге, В. Н. Гинев вновь подчеркнул эту проблему: «Когда мы писали о партии эсеров, то считали, что левые эсеры в 1917 г. сыграли более позитивную роль, чем центр, не говоря уже о правых. Сейчас это представляется по крайней мере дискуссионным. Как расценить отказ эсеров от некоторых социалистических элементов своей аграрной программы – таких как равное право на землю, запрет наемного труда, отказ практически от уравнительного землепользования? Измена ли это крестьянству и своей аграрной программе или проявление элементов реализма?» (*Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть.* СПб., 1994. С. 255).

²⁶ См.: *Хильдермайер М.* Шансы и пределы аграрного социализма в российской революции // *Россия в XX веке: историки мира спорят.* М., 1994. С. 133.

ма», когда существовала Государственная Дума, легально действовали политические партии, профсоюзы. Эти новые институты и формы, по их мнению, следовало использовать²⁷. К 1917 г. партия эволюционировала настолько, что Е. Е. Лазарев позже замечал, что название партии социалистов-революционеров следовало бы изменить, убрав из него слово «революционеров»²⁸. О. Рэдки писал, что «партия эсеров перестала быть революционной в то время, когда вся страна стала таковой в самом широком и глубоком смысле этого слова»²⁹.

В послеоктябрьский период эволюция ПСР продолжалась. Правые эсеры все более склонялись к демократическим, а не социалистическим методам государственного регулирования экономики и организации хозяйства. В общих чертах такая позиция сложилась уже к 1923 г.³⁰ В связи с этим любопытно замечание В. И. Миллера, что «...как раз левые эсеры сохранили верность основополагающим принципам ПСР, революционному духу и букве ее программы, а изменила ей правая часть ПСР, пошедшая за меньшевиками в их отрицании самой возможности движения страны к социализму»³¹. Если переход политической партии на более реалистические и отвечающие интересам страны позиции (пусть и не востребованные) считать «изменой», то с этим можно согласиться.

В целом проблема концептуального осмысления истории ПСР разработана пока недостаточно и является, очевидно, делом будущего. Необходимой предпосылкой для этого станут конкретные исследования по различным сторонам деятельности правых эсеров в 1917–1920-е гг.

Особый интерес вызывает участие социалистов-революционеров в деятельности различных государственных образований в годы гражданской войны – Комитета членов Учредительного собрания (Комуча), Верховного управления Северной области, Временного областного правительства Урала и других. Эти вопросы были довольно обстоятельно, но односторонне рассмотрены в советской историографии (достаточно вспомнить ставшие классическими работы И. И. Минца, В. В. Гармизы, Л. М. Спирина³²). В современной науке, как отмечает А. А. Коробкин, тематические приоритеты значительно сместились. Резко активизировалось изучение военно-исторического и политического аспектов существования «демократической контрреволюции»³³.

Одним из наиболее интересных и крупных современных исследований по истории Комуча стала работа В. Г. Медведева. По его мнению, эсеровское правительство в Самаре являлось, вольно или невольно, лишь ширмой для прикрытия белого дела, так как у социалистов отсутствовала широкая народная поддержка³⁴. Социалисты-революционеры конфликтовали с правыми силами как из-за стремления эсеров к «партийной выгоде», так и из-за недоверия кадетов и беспартийного офицерства к социалистам, остававшимся в их глазах революционерами. Та-

---

²⁷ См.: Там же. С. 127–128; *Морозов К. Н.* Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998. С. 61–612. М. Меланкон отмечает, что эсеры в 1917 г. перешли на позиции современного европейского социализма, стали рассматривать себя как истинных государственников, что объясняет их близость к кадетам, Временному правительству, «бесполезные» попытки строительства государственности на Волге и в Сибири в 1918 г. (См.: *Melancon M. The Socialist-Revolutionary Party (SRs), 1917 – 1920 // The Critical Companion to the Russian Revolution, 1914–1921.* L., Sydney, Auckland, 1997. P. 289.

²⁸ См.: *Лазарев Е. Е.* Из переписки с друзьями. Ужгород, 1935. С. 12.

²⁹ *Radkey O. H.* The Sickle under the Hammer: The Russian Socialist Revolutionaries in the Early Months of Soviet Rule. N.Y.; L., 1963. P. 468.

³⁰ См.: *Ярцев Б. К.* Политико-экономическая платформа российского неонародничества в 20-е гг. // Был ли у России выбор?: Н. И. Бухарин и В. М. Чернов в социально-философских дискуссиях 20-х годов. М., 1996. С. 172–173.

³¹ *Миллер В. И.* Революция в России. 1917–1918 гг. Проблемы изучения: Дис... д-ра ист. наук в форме науч. доклада по совокупности опубликованных трудов. М., 1995. С. 30.

³² Подробно см.: *Литвин А. Л.* Советская историография краха «демократической» контрреволюции // Вопросы истории. 1982. № 1. С. 111–119.

³³ См.: *Коробкин А. А.* Современная историография «демократической контрреволюции» восточной части России // Россия в XX в.: история и историография: Сб. науч. ст. Екатеринбург, 2002. С. 141.

³⁴ См.: *Медведев В. Г.* Белый режим под красным флагом: Поволжье, 1918. Ульяновск, 1998. С. 64. См. также: *Он же.* Поиски третьего пути в русской революции. Генезис и эскалация «демократической контрреволюции» // Преподавание истории в школе. 2000. № 1. С. 16–22; *Он же.* Политико-правовая организация антисоветских государственных образований в Поволжье и Сибири в годы Гражданской войны и иностранной интервенции (1918–1920 гг.): Дис... д-ра юрид. наук. Саратов, 2004.

ким образом, отмечает В. Г. Медведев – и этот вывод довольно важен – истоки борьбы между социалистами и белой гвардией лежали не столько в сфере идеологии и политики, сколько в области партийной и личной психологии³⁵. В этом плане представляют интерес социально-психологические наблюдения Л. Г. Протасова о членах Комуча. Он проанализировал данные о 95 членах Учредительного собрания, оказавшихся в Самаре, с точки зрения географической и национальной представленности, образования, возраста и социального происхождения. Деятели Комуча, отмечает Л. Г. Протасов, представляли собой провинциальные маргинализованные средние слои, выдвинувшиеся в ходе революции и сочетавшие черты космополитического мышления с национально-религиозным сознанием³⁶.

О попытках социалистов-революционеров создать собственные правительства в годы гражданской войны пишет Г. А. Трукан³⁷. Он полагает, что Комуч был не прикрытием для контрреволюции, а открытым ее противником, так как взял курс на восстановление власти социалистического Учредительного собрания. Однако в целом содержание монографии воспроизводит уже известные данные и оценки, лишь повторяя тезис об «эсеровской альтернативе» («...самарская модель социализма являлась реальной альтернативой не только «военному коммунизму», но и последующему ленинскому НЭПу» – пишет Г. А. Трукан³⁸) без дополнительной аргументации. Некоторые выводы автора вызывают возражения. Так, касаясь положения ПСР после разгона Учредительного собрания, Г. А. Трукан пишет, что партия «...окончательно распалась на фракции и группы, без единой программы действий и единого руководства»³⁹. В этом случае трудно объяснить последующие действия ПСР (в том числе и Комуч, рассматриваемый автором) вплоть до нэповского периода. К несомненным достоинствам работы можно отнести, пожалуй, использование неопубликованных материалов процесса 1922 г., в частности, показаний подсудимых по отдельным вопросам истории ПСР после прихода большевиков к власти.

Большое внимание причинам поражения эсеров в гражданской войне уделяет В. Н. Бровкин, автор наиболее обстоятельной современной работы о российских политических партиях в 1918 – 1922 гг.⁴⁰ Исследование В. Н. Бровкина базируется на широком круге источников, в том числе значительном документальном материале из российских и зарубежных архивов, что позволило впервые после известной книги Л. М. Спирина создать полномасштабную комплексную картину истории партий и движений в России в годы гражданской войны. В. Н. Бровкин отмечает, что «пройдя через огромные пространства России, Украины, и Сибири, член партии социалистов-революционеров сталкивался с разнообразными ролями в течение всей Гражданской войны: с ролью красноармейца, призванного на войну против его желания, ролью солдата в Белой армии, с ролью зеленого мятежника, борющегося против красных или белых, ролью члена городской думы на белой территории в оппозиции к администрации белых, ролью члена рабочего Совета (в очень немногих местах) в оппозиции большевикам, ролью подпольщика при Колчаке в Омске или Иркутске или при Ленине в Москве или Тамбове. Разнообразие политических ролей поднимает вопрос, имела ли эта партия свое место в Гражданской войне?»⁴¹

Трагедия ПСР, по мнению В. Н. Бровкина, заключалась в том, что это была интеллигентская партия для крестьян, а не партия самих крестьян. Эсерам не удалось соединиться с народным движением, им не хватало ясности целей и направ-

³⁵ См.: *Медведев В. Г.* Белый режим под красным флагом. С. 86.

³⁶ См.: *Протасов Л. Г.* Депутаты Всероссийского Учредительного собрания: штрихи к социокультурному портрету // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2002. № 3. С. 27–33; *Он же.* Комитет членов Учредительного собрания: социопортрет в зеркале русской революции // Вестник Самарского ун-та. История. 2004. № 1. С. 91–95.

³⁷ См.: *Трукан Г. А.* Антибольшевистские правительства России. М., 2000.

³⁸ *Трукан Г. А.* Антибольшевистские правительства... С. 38.

³⁹ Там же. С. 20.

⁴⁰ См.: *Brovkin V.* Behind the Front Lines of the Civil War: Political Parties and Social Movements in Russia, 1918–1922. Princeton, 1994.

⁴¹ *Brovkin V.* Op. cit. P. 174.

По вряд ли справедливому мнению М. Левина, «эсеры не пользовались влиянием в гражданской войне, а потому – и вообще никаким влиянием». См.: *Lewin M.* More Than One Piece is Missing from the Puzzle // *Slavic Review*. 1985. Vol. 44. P. 243.

ленности действий. Социальная база ПСР была очень размытой, дисперсной, в силу того, что российское крестьянство состояло как из «преуспевающих элементов» сельского сообщества, так и угнетенных слоев. Кроме того, на критических этапах социалисты-революционеры распадались на соперничавшие («гетерогенные») фракции с противоречивыми взглядами, которые нейтрализовывали друг друга⁴². Все российские политические партии демонстрировали широкий диапазон мнений и фракций, однако различия в ПСР были глубже, чем у большевиков или меньшевиков. Доктрину «третьей силы» было трудно осуществить на практике; тем не менее, В. Н. Бровкин полагает, что ПСР играла независимую, очень важную, хотя и трагическую роль в гражданской войне⁴³.

На противоположных позициях находятся представители того направления в историографии ПСР, которое в основных чертах продолжает придерживаться взглядов и оценок советской исторической науки. Таковы работы уже упомянутого А. В. Медведева, И. Т. Филиппова и других⁴⁴. В них повторяется традиционный набор обвинений в адрес ПСР: правые эсеры играли роль подстрекателей гражданской войны, организовывали антисоветские восстания, в том числе Тамбовское⁴⁵. Что касается судебного процесса 1922 г., то он, как отмечает А. В. Медведев, «показал непроверяемые факты антисоветской деятельности правых эсеров...»⁴⁶. Правые эсеры погибли как политическая партия ввиду отказа от конструктивного сотрудничества с большевиками и упорства в отстаивании своей «третьей линии», нереальной во время гражданской войны⁴⁷. Ряд авторов даже утверждает, что большевики стремились «...внедрить в политическую систему многопартийность», однако эсеры и меньшевики вследствие «прислужничества буржуазии» потеряли влияние, что видно «по результатам выборов»⁴⁸.

Практически все приведенные положения подвергаются в современной историографии аргументированной критике. Бесспорно, социалисты-революционеры сыграли свою роль в развязывании гражданской войны, приняв соответствующие решения на VIII Совете ПСР в мае 1918 г. Однако, как представляется, правые эсеры имели полное моральное право бороться за власть вооруженным путем в силу того, что победили на выборах во Всероссийское Учредительное собрание.

Вряд ли справедливо обвинение ПСР в «антисоветской» борьбе. На нем стоит остановиться подробнее, так как этот стереотип советской историографии довольно распространен. Социалисты-революционеры никогда не боролись с Советами, напротив, участвовали в их работе и ушли вовсе не по своей воле, а согласно постановлению ВЦИК от 14 июня 1918 г. Другое дело, что эсеры имели свою точку зрения на роль Советов. Так, она достаточно четко выражена в передовой статье «Учредительное Собрание и Советы» главного печатного органа партии «Дело народа» (ее автором был, видимо, В. М. Чернов) в декабре 1917 г.⁴⁹ Советы, указывалось в статье, являются чисто революционными органами, совершенно не приспособленными к будничной работе. Власть, управление, издание законов – это функции не Советов, а Учредительного собрания, а «потому

---

⁴² См.: *Brovkin V.* Op. cit. P. 206, 411–412. См. также: *Brovkin V.* Identity, Allegiance and Participation in Russian Civil War // *European History Quarterly*. V. 22. № 4. October. 1992. P. 541–567; *Бровкин В. Н.* Гражданская война как социально-политический феномен // *Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация: В 2 т. М., 1996. Т. 2. С. 58–117.*

С этим подходом вполне солидарен Н. Перейра: «эсеры не составляли единой партии, а были свободным объединением фракций (...) когда наступало время принимать решения, эти фракции чаще всего не соглашались друг с другом и не придерживались партийной дисциплины». См.: Перейра Н. Г. О. Сибирь: политика и общество в гражданской войне. М., 1996. С. 28.

⁴³ См.: *Brovkin V.* Behind the Front Lines. P. 184.

⁴⁴ См.: *Медведев А. В.* Неонародничество и большевизм в России в годы гражданской войны. Нижний Новгород, 1993; *Филиппов И. Т.* Продовольственная политика в России в 1917 – 1923 гг. М., 1994; *Голуб П.* Мятёж, который вверг Россию в гражданскую войну // *Диалог*. 1996. № 7. С. 60–66, и др.

⁴⁵ См.: *Медведев А. В.* Неонародничество и большевизм... С. 108–109, 124–125; *Филиппов И. Т.* Указ. соч. С. 138–139.

⁴⁶ Он же. Большевики и неонародники в борьбе за крестьянство в годы гражданской войны, октябрь 1917–1920 гг.: Дис... д-ра ист. наук. Нижний Новгород, 1994. С. 674.

⁴⁷ Он же. Неонародничество и большевизм... С. 31. См. также: *Кузьмин В. Л., Ципкин Ю. Н.* Эсеры и меньшевики на Дальнем Востоке России в период гражданской войны 1917 – 1922 гг. Хабаровск, 2005. С. 217–218.

⁴⁸ *Переверзев А. Я., Кулешов О. С.* Комуч. Директория. Колчак. Воронеж, 2003. – С. 697–700.

⁴⁹ См.: *Дело народа*. 1917. 9 декабря.

Учредительное Собрание – не враг и не конкурент «советов», как то пытаются представить лидеры большевизма, а как раз наоборот: избавитель «советов» от той неестественной роли, которую им навязали политические путаники, сумбурники и авантюристы». В. М. Чернов развил и дополнил эти положения в целом ряде статей в декабре 1917 – январе 1918 г.⁵⁰ Наиболее цельная позиция Чернова изложена в сборнике «Год русской революции (1917–1918)»⁵¹.

Социалисты-революционеры считали Советы частью системы местного самоуправления и государственной власти, которая включает в себя все элементы – от земств и городских дум до Учредительного собрания. В ином случае, как пророчески отмечалось в заметке «Советы как власть», опубликованной в газете «Дело народное» в январе 1918 г., их ждет приспособление к роли простых исполнителей, «процесс завершится неизбежным превращением и перерождением этих, действительно весьма действенных органов революции в прирученных исполнителей чьей угодно деспотической власти...»⁵². Социалисты-революционеры сумели разглядеть бюрократическое перерождение Советов уже на ранней стадии. Тем не менее, позднее, в годы гражданской войны, ПСР постоянно выступала за свободные выборы в Советы, их демократизацию, расширение избирательных прав. Эсеры соглашались вынести на решение свободно избранных Советов вопрос об Учредительном собрании⁵³. В связи с этим вряд ли можно согласиться с мнением Ю. С. Кукушкина, согласно которому именно недооценка меньшевиками и эсерами роли Советов привела, в конечном счете, к утрате народной поддержки и поражению⁵⁴.

Что касается руководства правыми эсерами крестьянскими восстаниями 1920 – 1922 гг. (Тамбовского, Западно-Сибирского и других), то целый ряд современных исследований убедительно доказывает несостоятельность подобных утверждений. Этот тезис возник почти одновременно с восстаниями и был одной из важных составляющих коммунистической пропаганды начала 1920-х гг., прочно утвердившей словосочетание «кулацко-эсеровский»⁵⁵. Видимо, о непосредственной организации и руководстве ПСР крестьянскими восстаниями не может быть и речи. Отдельные эсеры, безусловно, могли участвовать и участвовали в этих выступлениях, в целом, однако, носивших стихийный характер⁵⁶. В руководстве восставших встечались самые разные люди: для избрания в руководящие повстанческие органы не являлась препятствием служба при прежних властях – царской, Временного правительства, а также Колчака или коммунистов⁵⁷.

⁵⁰ См.: Чернов В. Учредительное Собрание и «Советы» // Дело народа. 1917. 21 декабря; *Его же. Забытая азбука* // Дело народа. 1917. 22 декабря, и др.

⁵¹ См.: Чернов В. «Советы» в нашей революции // Год русской революции (1917–1918): Сб. ст. М., 1918. С. 47–66.

⁵² Дело народное. 1918. 17 (30) января.

⁵³ См.: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917 – 1925 г. М., 2000. С. 461, 650.

⁵⁴ См.: Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1998. № 5. С. 83–84.

⁵⁵ См.: Сафонов Д. А. Великая крестьянская война 1920–1921 гг. и Южный Урал. Оренбург, 1999. С. 10.

В. Д. Дементьев и В. В. Самошкин, рассмотрев советскую литературу о Тамбовском восстании, пришли к вполне обоснованному выводу: «За две трети века, прошедшие со времени драматических событий на Тамбовщине в 1920–1921 гг., наша историческая наука не достигла сколько-нибудь серьезных успехов. Освещение их велось в рамках общей концепции «антисоветского мятежа» (Дементьев В. Д., Самошкин В. В. Восстание крестьян на Тамбовщине в 1920–1921 годах: Обзор литературы // История СССР. 1990. № 6. С. 107.

⁵⁶ См.: Есиков С. А., Протасов Л. Г. «Антоновщина»: новые подходы // Вопросы истории. 1992. № 6–7. С. 47–57; Есиков С. А., Канищев В. В. «Антоновский нэп»: Организация и деятельность «Союза трудового крестьянства» Тамбовской губернии, 1920–1921 гг. // Отечественная история. 1993. № 4. С. 60–72; *Они же*. К вопросу о партийной принадлежности А. С. Антонова // Политические партии: история, современность. Орел, 1994. С. 196–199; Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919 – 1921 гг.: «Антоновщина»: Документы и материалы. Тамбов, 1994; Есиков С. А. Новые источники по истории «антоновщины» – крестьянского повстанческого движения в Тамбовской губернии в 1920 – 1921 годах // Актуальные проблемы археологии, источниковедения и историографии. Вологда, 1995. С. 308–310.

⁵⁷ См.: Третьяков Н. Г. Состав руководящих органов Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 1994. № 2. С. 22; Московкин В. В. Восстание крестьян в Западной Сибири в 1921 году // Вопросы истории. № 6. С. 58.

Анализ историографии см.: Шишкин В. И. Западно-Сибирский мятеж 1921 года: достижения и искажения российской историографии // Acta slavica japonica. Sapporo, 2000. Т. 17. С. 100–129; *Он же*. Западно-Сибирский мятеж 1921 года: историография вопроса // Гражданская война на востоке

Тем не менее, А. В. Медведев продолжает настаивать на ответственности ПСР за Тамбовское восстание. Он пишет: «Сейчас появились работы, авторы которых подчеркивают стихийный характер антоновщины и отрицают руководство со стороны эсеров повстанческим движением. Подобные выводы противоречат реальным фактам. А. С. Антонов и его главные соратники были эсерами, хотя Антонов конфликтовал с губернским комитетом ПСР, проявляя самостоятельность и уходя от опеки. Эсеры возглавляли СТК, которые были политическим органами восстания, властью на местах. Восстание шло под эсеровским лозунгом «Вся власть Учредительному собранию», чем антоновщина отличалась от других крестьянских восстаний. Программа СТК представляла собой набор эсеровских требований»⁵⁸.

По этому поводу можно вполне согласиться с С. А. Есиковым, что система доказательств, приводимая автором, фактически мало чем отличается от обвинений, выдвинутых против эсеров на процессе 1922 г.⁵⁹ Все аргументы А. В. Медведева носят косвенный характер и не убеждают в руководящей роли ПСР в событиях 1920 – 1921 гг. Существует целый ряд эсеровских документов, в том числе материалы сентябрьской конференции 1920 г., показывающих, что руководство ПСР не хотело брать курс на открытое восстание (что неминуемо привело бы к репрессиям) и лишь подчеркивало возможность вооруженной борьбы в будущем. Кроме того, как отмечает В. Н. Бровкин, уничтожение коммуникаций из-за арестов делало любую значимую координацию политики партии в национальном масштабе невозможной, местным организациям и рядовым членам ПСР часто приходилось действовать самостоятельно⁶⁰.

Одним из самых сложных и дискутируемых вопросов в литературе по истории ПСР после 1917 г. является проблема террористической деятельности партии в 1918 г. (убийство Володарского и покушение на Ленина). Впервые со всей остротой эта тема прозвучала на судебном процессе ЦК ПСР летом 1922 г. С этого момента вся историография проблемы террора разделилась на два направления: советские историки придерживались версии официального обвинения, сводившейся к ответственности ЦК ПСР за покушения; с другой стороны, эмигранты, а вслед за ними зарубежные исследователи и диссиденты ставили под сомнение причастность социалистов-революционеров к террору⁶¹. Ситуацию осложняла почти полная закрытость документальных источников в советских архивах, прежде всего материалов процесса 1922 г.

В 1990-е гг. под влиянием зарубежной историографии и в связи с появлением новых документов тема террора и ПСР вновь стала необычайно актуальной. При этом, что часть исследователей продолжает отстаивать прежнюю концепцию⁶², появилось множество иных гипотез⁶³. В их свете причастность ЦК ПСР к загадочным покушениям лета 1918 г. выглядит, по меньшей мере, сомнительной, что приводит к выводу о фальсификации властями ключевых обвинений на процессе

России. Проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г.: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2001. С. 137–175.

⁵⁸ См.: *Медведев А. В.* Неонароднические партии в годы гражданской войны // *Набатов Г. В., Медведев А. В., Устинкин С. В.* Политическая Россия в годы гражданской войны: Учеб. пособие. Нижний Новгород, 1997. С. 85.

⁵⁹ См.: *Есиков С. А.* Партия социалистов-революционеров и тамбовское восстание 1920–1921 гг. // *Общественно-политическая жизнь российской провинции. XX век. Вып. III.* Тамбов, 1997. С. 44.

⁶⁰ См.: *Brovkin V.* Behind the Front Lines of the Civil War. P. 367.

⁶¹ См.: *Shub D.* The trial of the SRs // *Russian review.* 1964. № 4. P. 362–369; *Jansen M.* Show Trial under Lenin: The Trial of the Socialist Revolutionaries, Moscow, 1922. The Hague, 1982; *Lyandres S.* The 1918 attempt on the life of Lenin: a new look on the evidence // *Slavic review.* 1989. V. 48. № 3. P. 432–448; *Орлов Б.* Миф о Фанни Каплан // *Время и мы.* 1975. № 2. С. 153–163; 1976. № 3 (янв.). С. 126–159; *Нилов Г.* Грамматика ленинизма. London, 1990.

⁶² См.: *Гусев К. В.* Рыцари террора. М., 1992; *Костин Н. Д.* Суд над террором // *Родина.* 1993. № 10. С. 60–68.

⁶³ См.: *Данилов Е.* Тайна выстрелов Фанни Каплан // *Звезда Востока.* Ташкент, 1991. № 1. С. 113–130; *Сударушкин Б.* Так кто же стрелял в Ленина? Материалы к размышлению // *Русь.* Ростов Великий, 1993. № 10. С. 9–32; *Литвин А. Л.* В Ленина «стрелял» Дзержинский // *Родина.* 1995. № 7. С. 58–60; *Он же.* Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. Казань, 1995. С. 184–196; *Фельштинский Ю.* Вожди в законе: Ленин и Свердлов // *День и ночь.* Красноярск, 1997. № 4 (16). С. 121–142.

См. также: *Фанни Каплан. Или кто стрелял в Ленина?: Сб. док.* Казань, 1995; *Дело Фани Каплан или кто стрелял в Ленина.* Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2003.

1922 г. Исследователи обращают внимание на целый ряд вопросов, которые возникают при анализе событий 30 августа 1918 г.: «самоубийственное поведение» Каплан и странность ее задержания, ненадежность охраны Ленина, молниеносное следствие.

Отсутствие источников, запутанный характер этого события не позволяет, на наш взгляд, пока с уверенностью предпочесть ту или иную версию. В этой связи явно преждевременным выглядит утверждение С. В. Журавлева о том, что протокол заседания Военной коллегии Верховного Суда СССР в 1937 г. по делу Г. И. Семенова поставил «окончательную точку» в его роли в покушении на Ленина⁶⁴.

Показательный характер судебного процесса 1922 г., шумная агитационно-пропагандистская кампания, развернутая вокруг суда, демонстративное раскаяние части подсудимых все чаще наводят историков на мысль о надуманности всего процесса, которому его устроители стремились придать характер хорошо отрежиссированного спектакля.

Суд над эсерами явился важным составным элементом карательной политики большевистского руководства по отношению к реальной и потенциальной политической оппозиции, включавшей в себя гонения на церковь, преследования меньшевиков, высылку из страны представителей интеллигенции. Социалисты-революционеры воспринимались властями в качестве авангарда оппозиционных сил и должны были быть ликвидированы в первую очередь. Современные исследования показывают, что политические процессы с самого начала были частью репрессивной политики большевиков. Показательные процессы должны были защищать политический режим и воспитывать массы в духе безусловной преданности новой власти. Организуя широкомасштабные судебные процессы и демонстрируя государственную мощь, большевики опирались и на традиции царской России, и на якобинские традиции времен Великой Французской революции. В то же время показательные процессы 1920-х гг. были различны по степени своей фальсифицированности.

Детальному анализу истории эсеровского процесса и тюремного противостояния заключенных социалистов-революционеров и властей в 1922 – 1926 гг. посвящена основательная монография К. Н. Морозова⁶⁵. Вместе с комментариями к материалам сборника о процессе 1922 г., в котором К. Н. Морозов выступил как один из составителей, они представляют собой наиболее полное исследование различных сторон противостояния ПСР с властями в первой половине 1920-х гг. Впервые процесс 1922 г. получил освещение на основе наиболее важных источников, хранящихся в ЦА ФСБ, в первую очередь материалов предварительного следствия и – частично – стенограммы.

Репрессивная политика властей стала одной из главных причин ухода ПСР с политической сцены. Первые специальные работы по этой теме появились в отечественной историографии в первой половине 1990-х гг.⁶⁶ Однако процесс политической гибели ПСР нельзя считать исключительно результатом большевистского террора. Сложно согласиться с мнением Е. Г. Гимпельсона, что «такой результат репрессий стал возможен вследствие потери связи этих партий с массами, изоляции от них»⁶⁷. Скорее, это было следствием карательной политики

⁶⁴ См.: Журавлев С. В. Судебно-следственная и тюремно-лагерная документация // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика: Учебник. М., 2004. С. 192–193.

⁶⁵ См.: Морозов К. Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. М., 2005.

⁶⁶ См.: Суслов А. Б. Окончательная ликвидация эсеровских группировок на Урале // На путях социалистического строительства. Пермь, 1990. С. 21–32; Он же. Репрессии как средство политической борьбы РКП(б) с социалистической оппозицией на Урале после гражданской войны в России // Первая межвузовская конференция «История и террор»: Тезисы докладов. Пермь, 1993. Вып. 1. С. 29–32; Бондаренко А. А. Окончательный разгром эсеров в Томской губернии // Культура: философия и история. Томск, 1994. С. 68–71; Добровольский А. В. Суд над ЦК партии эсеров и антиэсеровская кампания в Сибири // Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1994. С. 51–63; Павлов Д. Б. Репрессии против социалистов в Советской России (1917 – 1922 гг.) // Тоталитаризм в России (СССР) 1917 – 1991 гг.: оппозиция и репрессии. Пермь, 1998. С. 4–6; Он же. Репрессии в отношении членов социалистических партий и анархистских организаций в первое пятилетие «пролетарской диктатуры» // Меньшевики и меньшевизм: Сб. ст. М., 1998. С. 69–108.

⁶⁷ Гимпельсон Е. Г. Формирование советской политической системы, 1917 – 1923 гг. М., 1995. С. 195.

властей, предпринимавших все меры для изоляции российских социалистов. И, тем не менее, даже в разгар антиэсеровской кампании, летом 1922 г. (во время судебного процесса), были факты, свидетельствовавшие о сочувствии части населения к социалистам-революционерам. Так, ряд рабочих коллективов Петрограда отвергла предложенные большевиками антиэсеровские резолюции, в том числе на Обуховском заводе⁶⁸. Даже в советской историографии отмечались случаи выражения в 1922 г. симпатии эсерам⁶⁹. Поэтому более верной выглядит точка зрения И. В. Чубыкина, автора одного из немногих на данный момент специальных исследований о социалистах-революционерах в эмиграции: «вытеснение эсеров с российской политической сцены вскоре после окончания гражданской войны стало следствием не только репрессивных действий большевистских властей и белогвардейских режимов, но и глубоких идейно-политических разногласий в самой эсеровской партии»⁷⁰.

Первой крупной работой, освещающей конец социалистических партий в Советской России, стала монография Д. Б. Павлова⁷¹. На основе документов из АП РФ, ЦА ФСБ и других архивов автор показал процесс ликвидации партий эсеров, меньшевиков, анархистских организаций. Главную роль в исчезновении оппозиционных партий, как показывает Д. Б. Павлов, сыграла репрессивная политика большевистской диктатуры. Однако целый ряд вопросов в этой работе освещены, на наш взгляд, недостаточно подробно и глубоко. Применительно к ПСР – это репрессии по отношению к партии в октябре 1917 – первой половине 1918 г.; «легализация» ПСР в 1919 г.; в более подробном анализе, с учетом новых материалов, нуждается судебный процесс 1922 г. Перечисленные недостатки вполне объяснимы – при небольшом объеме работы и столь широких хронологических рамках некоторый схематизм в освещении отдельных вопросов неизбежен⁷². Тем не менее, книга Д. Б. Павлова является шагом вперед в изучении проблемы репрессивной политики Советского государства по отношению к оппозиционным партиям и послужит отправной точкой для дальнейших исследований.

Современная российская историография, сохраняя преемственность с предшествующим этапом в изучении деятельности социалистических партий, в большинстве своем отказалась от тех традиций советской науки, которые резко ограничивали познавательные возможности исследователей: политизированности, идеализации политики большевиков, одностороннего и тенденциозного подбора фактов. В то же время не удалось избежать другой крайности – идеализации противников большевизма. Отечественная историография на современном этапе представляет весь спектр оценок истории эсеров и меньшевиков, существовавших в XX в., предлагая самые различные объяснения их политического поражения. Характерные позитивные тенденции современных исследований – разнообразие точек зрения; публикация источников; распространение биографического жанра – преодоление «безликости» истории – позволяют надеяться на создание в будущем серьезных теоретических конструкций.

Причины провала демократической социалистической альтернативы можно найти и в традиционной авторитарной культуре России, и в катастрофических социальных условиях, вызванных гражданской войной, и в действиях большевиков и белых режимов⁷³. Однако, на наш взгляд, провал демократического эксперимента

⁶⁸ См.: Шкаровский М. В. Документы ЦГА Санкт-Петербурга о трудовых конфликтах в 1918 – 1928 гг. // Трудовые конфликты в советской России 1918 – 1929 гг. М., 1998. С. 88.

Важные данные о реакции населения на суд в Москве содержатся в книге А. В. Добровольского (См.: Добровольский А. В. Эсеры Сибири во власти и оппозиции (1917–1923 гг.). Новосибирск, 2002. С. 299–300. Он отмечает отсутствие требуемого властями энтузиазма по поводу процесса ПСР. См. также: Борисова Л. В. Рабочие Москвы и процесс правых эсеров. По документам ГПУ // Ежегодник историко-антропологических исследований. М., 2002. Вып. 1. С. 301–316.

⁶⁹ См.: Гусев К. В. Партия социалистов-революционеров, ее политическое банкротство и гибель. Дис... д-ра ист. наук. М., 1967. С. 641–642.

⁷⁰ Чубыкин И. В. Российские социалисты-революционеры в эмиграции (1920-е гг.): Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1996. С. 24.

⁷¹ См.: Павлов Д. Б. Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 1950-х годов. М., 1999.

⁷² И. С. Розенталь в своей рецензии справедливо отметил, что «будучи первой в отечественной историографии работой на данную тему, монография Павлова далеко ее не исчерпывает...» // Отечественная история. 2000. № 2. С. 195.

⁷³ См.: Шубин А. Социалисты в российской революции 1917 – 1921 гг. // Карло Росселли и левые в Европе: к 100-летию со дня рождения. М., 1999. С. 120.

в России был главным образом обусловлен его собственной политической слабостью, раздробленностью социалистов-революционеров и меньшевиков. Лидеры российских социалистических партий перешли на умеренные реформистские позиции в тот период, когда большинство населения страны (прежде всего рабочих и солдат), в том числе и значительное количество рядовых эсеров и меньшевиков стали придерживаться радикальных взглядов. Социалисты, как и большевики, в известной степени чувствовали себя на вершине вулкана, которым не в силах были управлять. Этот конфликт привел к тому, что социалисты после прихода большевиков к власти и начала гражданской войны оказались в сложном и противоречивом положении – их оппозиционность, с одной стороны, прямо вытекала из политики правящего режима, с другой, степень этой оппозиционности зависела от угроз со стороны белого движения. И меньшевики, и в меньшей степени социалисты-революционеры не смогли противостоять давлению гражданской войны. Противоречивость политики ПСР и РСДРП после октябрьской революции привела к резкому ослаблению их влияния в массах. Жесткие репрессии со стороны правящего режима лишь обнажили, на наш взгляд, уже существовавшие слабости.

Социалистические партии в послеоктябрьской России были одними из первых, кто пытался показать антидемократический характер большевизма. Неудача социалистов-революционеров и меньшевиков в этой борьбе, тем не менее, не означает их поражение в историческом споре о демократии, социализме и роли политических партий. Наследие российских социалистов не зависит от конъюнктурного курса политического развития России.